

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

И.Ю. Корюхина, В.В. Куклина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДА И СЕЛА В ПРОСТРАНСТВАХ ПРИГОРОДА (СЛУЧАЙ ИРКУТСКА)

В статье рассматривается взаимодействие села и города в пригородах города Иркутска. В качестве инструментария анализа выбрана концепция Эдварда Соджи о триалектике пространственности. В соответствии с ней, рассмотрены физическое, воображаемое и обживаемое (переживаемое) пространства пригорода. В качестве материалов для исследования использованы данные статистики, Интернет-сайтов по анализу рынка недвижимости города Иркутска и сайтов загородных коттеджных посёлков, экспертные интервью, а также визуальные наблюдения авторов. По мнению авторов, такие характеристики как безопасность и свобода имеют важнейшее значение в конструировании пространства пригорода. Для их достижения используются различные способы и технологии ограждения в физическом пространстве, их ценность вербализуется в рекламе коттеджных посёлков, однако их нехватка остро ощущается в процессе пребывания в пригороде.

Ключевые слова: триалектика пространственности, безопасность, пригород, локальное сообщество

I.Y. Koriukhina, V.V. Kuklina

INTERACTION OF CITY AND VILLAGE IN SPACES OF SUBURBS (CASE OF IRKUTSK)

Interaction between City and Village is explored in the article on the example of suburbs of Irkutsk city. The Edward Soja's concept of "trialectics of spatiality" has been used as a framework according to which perceived, conceived, and lived spaces of suburbs are examined. Statistics, Internet-sites on analysis of realty in Irkutsk and sites of cottage villages in suburbs, interviews with experts as well as the authors' visual observations have been the basis for analysis. We think such characteristics as security and freedom have special significance in the process of constructing the space of suburbs. Different means and technologies are developed in order of their achievement in perceived space, their values are verbalized in conceived space, but need in them is experienced in lived space.

Key words: trialectics of spatiality, suburbs, security, local community

Взаимодействие города и села, как и любой социальный процесс, не может быть статичным. Используя метафору З. Баумана о «текущей современности» [1], можно рассматривать столкновения городского и сельского образов жизни, воплощённые в различных формах и реализованные через различные социальные практики. Чтобы подчеркнуть данное состояние напряжения, возникающее на стыке города и села, некоторыми исследователями используется понятие «фронтира» [3, 4, 5, 19]. Однако в США данное понятие используется либо для описания «окраинных» городов

— сугубо городской феномен, в котором смешивается городское население метрополиса с чаще всего с городским же населением мигрантов [19], либо для описания джентрификации внутренних городских районов [20]. В России же субурбанизация и контрурбанизация западного типа не развивается, либо развивается в гораздо меньших масштабах. Причинами тому называются сохранение института регистрации (прописки), рост цен на жилье в крупных городах, слабое развитие современной инфраструктуры в сельской местности, ограниченность бюджетов местных муници-

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

палитетов [14]. Данный спектр примерно совпадает с тем, как объясняются в западных странах переезды в пригороды. Помимо перечисленных политических и экономических факторов, следует добавить, что американские пригороды наделяются особыми социальными характеристиками: комфортом и безопасностью [18], не в последнюю очередь обеспеченными однородностью социального состава [8]. Кроме того, круглогодичное проживание в загородном доме в России требует больших вложений, чем в странах с умеренным климатом. Таким образом, место взаимодействия города и села – пригороды, нуждаются в России в дополнительных исследованиях, сфокусированных на данном конкретном пространстве.

Для того чтобы понять взаимодействие города и села в пространстве мы используем понятие «триалектика пространственности», введённое Эдвардом Соджа: первое пространство — физическое, материализованные пространственные практики, физически и эмпирически воспринимаемые как форма и процесс, которые можно измерить и легко картографировать; второе пространство — субъективное, ментальное, идеальное, подвергаемое рефлексивному осознанию и символической репрезентации, сюда относятся и ментальные карты, и утопии, и мысли о пространстве; третье пространство — обживаемое, одновременно реальное и воображаемое, актуальное и виртуальное, место структурированного индивидуального и коллективного опыта и действия [21].

Для того чтобы не углубляться в дискуссии о том — что такое город, мы подчеркнём те его характеристики, которые актуальны для исследования взаимодействия города и села. При исследовании первого пространства рассматриваются различные виды инфраструктуры (дороги, канализации, водопровода, горячего водоснабжения), которые можно отнести к понятию “built environment” (условно «городская среда») [11]. Характеристиками второго пространства являются представления о городе и селе у жителей пригородов, схемы территориального развития и генеральные планы местных администраций, образы пригородов в СМИ, презентациях девелоперов и

рекламной продукции. Третье пространство может выражаться в специфике отношений в пределах пригорода, практиках разграничения частного и публичного пространства, опыте освоения пригородного пространства представителями различных социальных групп. Выделение каждого из перечисленных пространств довольно условно: в физическом пространстве можно проследить интенции и образы пространства, в то время как воображаемое пространство материализовано в бумагах, на электронных носителях и т.п., обживаемое же пространство представляет собой процесс постоянного взаимодействия мира воображаемого с миром материальным. Однако таким образом мы считаем возможным выделение трёх основных факторов, влияющих на формирование пригорода как специфического места. Материалами для анализа послужили данные статистики, основных сайтов по анализу рынка недвижимости города Иркутска (<http://www.realtyvision.ru/>, <http://realty.irk.ru/>, <http://invest38.ru/>), сайты загородных коттеджных посёлков, интервью с представителями рынка загородной недвижимости: риэлторами, специалистами администрации Иркутского района и города, представителями строительного бизнеса, проведенные в рамках маркетингового исследования¹, а также визуальных наблюдений авторов.

Первое пространство

По мнению Т. Нефёдовой, обустроенные дороги являются фактором формирования «реальной пригородной зоны» [15]. Для Иркутска важное значение имеют несколько транспортных направлений, которые носят название в соответствии с основным пунктом достижения (рис. 1).

¹ Материалы собраны в рамках маркетингового проекта «Анализ рынка загородной жилой недвижимости г. Иркутска», заказчик NAI Besar, сроки проекта: февраль-март 2013 г.

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

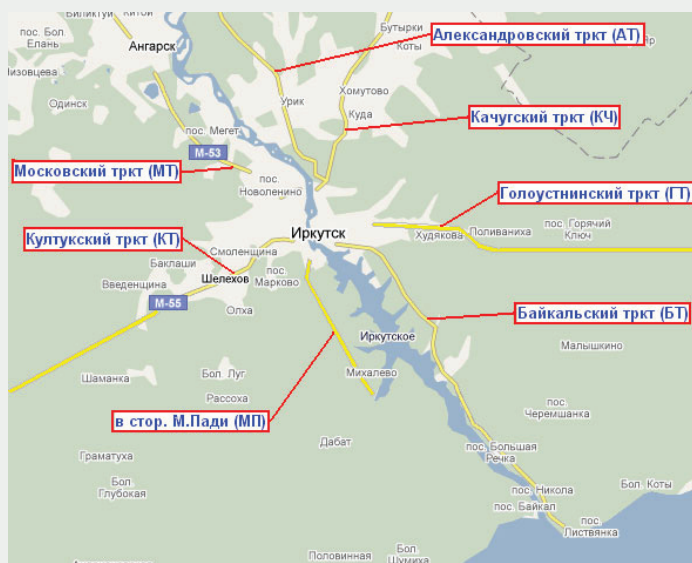

Рис. 1. Карта трактов, ведущих от города Иркутска
<http://invest38.ru/maps/karta%20traktov>

Иркутск был построен на Московском тракте, который до сих играет большую роль в развитии города. Лишь в 2010 году была построена объездная дорога, позволяющая водителям миновать город. В настоящее время Московским называют тракт к западу от города, к востоку же его принято называть Култукским (по названию посёлка, расположенного по пути). В обоих направлениях больше развивается малоэтажное строительство эконом-класса. Довольно часто здесь получают жильё по разного вида программам переселения (из затопляемых районов, из закрывающихся городов, из ветхого жилья). Такие районы подвержены рискам будущего превращения в трущобы, так как застройщики не заинтересованы в выделении для этих целей районов с более привлекательными для инвестиции условиями — строятся по «остаточному» принципу, а также в развитии диверсифицированной инфраструктуры. Сами же города Шелехов, Ангарск и Усолье-Сибирское всё более удаляются от Иркутска из-за роста трафика и времени, затрачиваемого на дорогу (более двух часов), хотя их отделяет всего 20-73 км — менее часа при развитии скоростного железнодорожного сообщения.

Байкальский тракт является вторым по значимости в качестве транспортной магистрали, но

первым по престижности размещения вдоль него загородного жилья. Связывая город с Байкалом, он стал автодорогой с современным дорожным покрытием в начале 1960-х годов, к приезду правительственной делегации, возглавляемой президентом США Эйзенхауэром. Визит сорвался, но тракт закрепил за собой значение VIP-магистрали, по которой считали необходимым прокатить делегации разного уровня [9]. Вдоль трассы шло строительство дач «парткома» в советский период, в настоящее время здесь располагается основная часть элитного загородного жилья.

В 1990-х годах Байкальский тракт стал первым, где выстраивались архитектурные фантазии от домов а-ля замки до громоздких убежищ, достигающих 1500 кв.м. По-видимому, авторы замысла имели представления о замках, основанные на образах из медиа и из книг. Однако у них не было опыта обживания и содержания таких пространств, в результате часто можно заметить недостроенные элементы, неиспользуемые этажи и несостыкующиеся фрагменты использования различных строительных материалов, связанные с недоучётом строительных затрат (рис. 2).

Рис. 2 Частный дом в пригороде Иркутска
<http://photo.sibnet.ru/users/iskander13/alb31124/ft717057/>

Строительство 2000-х годов уже почти не имеет таких крайностей, — оно более подчинено рыночным законам — цене земли, возможностям

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

взаимодействия застройщиков с представителями власти, и индивидуальной покупательной способности будущих жильцов.

Несмотря на своеобразие каждого периода застройки, трудно выделить их ареалы в пространстве. Волны строительства новых домов и разрушения старых привели к формированию причудливой мозаики, в которой жителю трёхэтажного особняка с усиленной охраной и камерами наблюдения может из окна открываться вид на разваливающийся деревенский дом с покосившимся забором.

Пропускная способность тракта не была рассчитана на рост населения в десятки раз, что приводит к постепенному уменьшению транспортной доступности жилья вдоль тракта.

На втором по популярности месте стоит Качутский тракт, связывающий город с сельскохозяйственными районами к западу от города. Жильё здесь привлекательно для тех покупателей, которые сохраняют сельский образ жизни, благодаря плодородности земли, а также невысокой ценой и близостью к городу. Строительство здесь обычно ведётся из дерева, без типовой планировки, с учётом местных природно-климатических условий, таким образом подчёркивая преемственность сельского образа жизни. Так же, как и на других дачах и огородах вокруг города здесь воспроизводится ненарушенная связь поколений когда-то сельских мигрантов: традиции выращивания агрокультур, хотя могут использоваться новые материалы для строительства.

Другим неотъемлемым элементом пригородов являются заборы, которые непрестанно становятся выше и неприступнее, снабжённые пропускной системой (охрана, шлагбаумы) (рис. 3). Нередко они сопровождаются системами видеонаблюдения, сигнализации, наличием на территории собак бойцовских пород.

Рис. 3. Заборы в пригороде Иркутска (фото И. Корюхиной)

Бесконечные ряды заборов различаются их качеством, высотой, материалом, непроницаемые для взгляда кирпичные заборы сменяются на штакетник, полуразрушенные дощатые.

По наблюдениям В. Каганского, «"Новый русский" не желает ничего видеть (забор не позволяет видеть окрестностей, коттеджи часто стоят вплотную) и равно не желает, чтобы его видели: установка на визуальное (только ли визуальное?) исключение себя из социума. Такое обилие пунктов, где своих выделяют из посторонних, доказывает, что пространство переполнено посторонними. Но это значит чрезвычайно серьёзную вещь: люди оторваны от мест, ведь оторванные от своих мест люди — это и есть посторонние» [10].

Второе пространство

В настоящее время основная часть пригородов находится за пределами городских административных границ. С 2002 по 2012 год рост численности населения Иркутского сельского района, окружающего город Иркутск, составил 30 тыс. чел., увеличившись более чем в полтора раза, однако, если рассматривать только население пригородных населённых пунктов (в пределах 25-километровой доступности), то там рост превысил 2 раза [16]. В то же время область в целом и особенно остальные районы испытывают непрекращающийся миграционный отток, тем более сильный, чем далее удалённость от Иркутска.

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

По экспертным оценкам, загородное жильё (коттеджи и таунхаусы) покупается семейными людьми старше 35 лет, но часто ещё не пенсионного возраста, с обязательным наличием в составе домохозяйства мужчин, часто с детьми. Среди основных мотивов переезда за город эксперты указывают на самостоятельность, автономность, за которой стоит свобода от соседей, от шума, от различных инстанций, регламентирующих правила обращения с жилыми конструкциями (БТИ, ЖКХ и т.п.). Однако близость к городу — одно из важнейших условий. Наличие собственного гаража и земельного участка также имеют важное значение в выборе жилья в пригороде.

В виртуальном пространстве пригороды прежде всего представлены коттеджными посёлками элитного и бизнес-классов, которые имеют собственные сайты и отделы продаж в городе. На примере коттеджных посёлков можно наблюдать продвижение тех преимуществ, которые подчёркиваются исследователями пригородов в западных странах: на сайтах предлагаются «комфорт и безопасность», «процветание и здоровый образ жизни» или даже «кусочек европейской респектабельности на сибирских просторах». Практически всегда на фотографиях изображаются летние пейзажи, несмотря на то, что продолжительность лета — два месяца, а зимы — почти все пять.

Особое место в этой сфере занимают посёлки по Байкальскому тракту, который уже много поддерживает лидерство по количеству участков в продаже, включая организованные коттеджные поселки, садоводства, села и небольшие населенные пункты. Недвижимость здесь считается самой ликвидной среди оценщиков: дачи по Байкальскому тракту самые дорогие относительно других предложений по городу. Считается, что здесь самый чистый воздух, сохранились хвойные леса, близость к водоёмам служит дополнительным привлекающим фактором. Несмотря на то, что яхтовый сезон длится не более двух месяцев, наиболее обеспеченные жители пригородов обустривают собственные пирсы, участвуют в яхт-клубе, таким образом поддерживая эксклюзивность места. Однако при непосредственной близости к во-

доёму формируется специфический микроклимат: отмечаются высокие показатели влажности воздуха, которые могут быть благоприятны только в летние месяцы, когда есть возможность яхтинга и иных водных видов отдыха. В остальные месяцы с близостью к водоёмам связаны высокая частота туманов, дополнительный дискомфорт при низких температурах воздуха из-за повышенной влажности воздуха. Кроме того, при колебаниях уровня воды в водохранилище постепенно происходит размыв берегов, который особенно интенсивен в районе Ново-Разводной.

Среди предлагаемых частных домов, не являющихся частью коттеджных посёлков, коттеджные дома продаются с перечислением всех возможных элементов инфраструктуры, в том числе актуализируется даже наличие электричества, которое кажется само собой разумеющимся для жителей города. Специфические характеристики: возможность регистрации (прописки), наличие земли и хозяйственных построек (баня, сарай, теплицы), характерных для сельской местности или дач.

Третье пространство

По мнению Р. Найта, «Как правило, чем позднее начинается процесс индустриализации и урбанизации, тем более несбалансированны схемы человеческих поселений и остры «проблемы городов»» [13]. В России процесс урбанизации имеет относительно короткую историю, по исследованиям А.Г. Вишневского, в 1990 году «среди шестидесятилетних россиян коренных горожан было не более 15-17%, среди сорокалетних — около 40% и только среди двадцатидвухлетних и более молодых — более 50%» [цит. по 11]. Г. Лаппо отмечает, что в советский период количественный рост городов опережал их качественное развитие, в результате урбанизация страны, по его мнению, так и не завершилась [12].

Спецификой сибирского типа урбанизации можно назвать возможности воспроизводства сельского образа жизни в самом городе: в результате ускоренных темпов урбанизации нередко город не успевает «переварить» остатки «сельско-

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

сти» внутри города. Несмотря на то, что Иркутский острог был основан в 1661 году и имеет долгую городскую историю, внутри него до сих пор сохраняются фрагменты деревень, «проглоченных» в ходе разрастания города. Они напоминают о себе покосившимися деревянными домами с небольшими огородами, лишёнными «городских» коммуникаций. По мнению С. Шмидта, сам город практически соткан из центра и окраин, причём только центральная часть в повседневном дискурсе жителей окраин носит название «город», а среди жителей города трудно найти горожан в третьем поколении [17].

В пригородах сталкиваются два противоположных потока: с одной стороны семьи с разным достатком, предпочитающие иметь собственный участок после и/или параллельно жизни в городе [4], с другой — сельские мигранты, либо жители сельской местности, оказавшиеся втянутыми в пригородное развитие в результате наступления города на село. По наблюдениям К. Григоричева до конца 80-х – начала 90-х годов сельские поселения в зоне влияния Иркутска сохраняли хозяйственный и социокультурный уклад советского села, несмотря на вовлечённость в экономическую жизнь города [5]. Особенно наглядно данный процесс наблюдается на окраинах города (в частности, Н. Карбаинов, А. Бреславский рассматривали на примере Улан-Удэ [2, 7]). Подобную картину можно наблюдать во многих городах России. Привыкшие работать «бесплатно» на «своей» земле, сельские мигранты готовы затрачивать собственные усилия на самостоятельное строительство дома, либо использовать социальные сети (труд своих родственников и земляков, который позже должен будет таким же образом быть возвращён), либо имеют возможность нанять дешёвую рабочую силу таких же сельских мигрантов, которые готовы работать за меньшую плату, чем даже трудовые мигранты из-за рубежа, нанимаемые строительными предприятиями.

Проводя большую часть времени в городе, пригородное население мобильно и их повседневные связи мало касаются соседских взаимоотношений. И можно предположить, что мобильность

жителей пригорода имеет теперь обратный эффект, она становится источником закрытости, замыкания на себя.

Разграничение публичного и частного пространств, характерное для городов, предполагает наличие площадок, где возможна публичность. Однако наблюдаемый нами пригород с уходом сельского образа жизни и приходом городских жителей, закрепляющих новые ценности и практики, оказывается ещё более замкнутым на частное пространство — публичное пространство ограничивается дорогами, часто не предполагающими наличие пешеходов.

У жителей так и не появилось шанса участвовать в планировании территории их проживания: в советский период это было прерогативой архитекторов и планировщиков, в перестроечные годы развивалось хаотично, а в настоящее время решается между муниципальными властями и застройщиками. Высокий спрос на жильё позволяет застройщикам игнорировать потребности покупателей в открытых пространствах, зелёных зонах или наличии социальной инфраструктуры. Основная их задача — строительство и продажа наибольшего количества жилья на единицу площади. В результате запрос на загородное жильё превращается в формирование хаотичных рядов домов с условиями проживания, не превышающими, а порой даже уступающими качеству жилья в городе.

Пример посёлка Молодёжный Иркутского района — яркое тому подтверждение. В какой-то момент он оказался востребованным семьями, не имевшими достаточных доходов для покупки квартиры, но способными купить дачные участки в относительной близости к городу. Кроме того, располагая определённым размером земли, они могли заниматься огородничеством, позволяющим сэкономить на покупке продуктов. В настоящее время количество таких семей достигло таких масштабов, с которыми не справляются энергосети, водозаборные и очистительные сооружения, не предназначавшиеся для развития здесь жилых районов.

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

Рис. 4 Пригород Иркутска

Единственной возможностью обеспечить себя городскими коммуникациями является установка водозаборных насосов, автономных электростанций, обогревательной системы, использование услуг выкачки и утилизации отходов, предоставляемых частными предприятиями, а не системой жилищно-коммунального хозяйства (рис. 4). В результате формируются анклавы семей, не связанных общими интересами, не заинтересованных в диалоге, и зачастую даже не знакомых с ближайшими соседями. Если использовать аналогию Ф. Тённиса, можно сказать, что общинные связи уже нарушены, но связи сообщества так и не появились.

На примере анализа пригородов Иркутска можно отметить черты своеобразия российской урбанизации, связанные с особой организацией пространства. При анализе первого пространства мы отметили важность дорог и заборов в материальной организации пространства пригородов, в то время как во втором пространстве данные особенности учитываются лишь в виде упоминаний удалённости отдельных жилых районов от города. Несоответствие воображаемого и материального пространства особенно ярко проявляются при анализе третьего — обживаемого пространства. Опыт обживания, накопленный сельскими жите-

лями, в условиях хаотичной и всё более уплотняющейся застройки, входит в конфликт с тем образом сельской местности, за которым устремились в пригороды жители городов. Такие ценности, как безопасность и свобода, оказались в противоречии друг с другом.

На первый взгляд, в пригород выезжают за свободой, с другой, подобное решение требует укрепления своей безопасности. В результате создаётся ощущение, что пригород — это еще в большей степени отчужденное и приватизированное пространство, чем город. Можно предположить, что вместо движения к сельской — открытой, общинной и экологичной среде, пригород развивается в противоположном направлении, усугубляя проблемы городской среды. Данные наблюдения нуждаются в более углублённом изучении, на примере других пригородов и на проведении интервью с самими жителями пригородов. Однако мы считаем необходимым саму постановку проблемы и гипотез для будущих исследований.

Литература и источники

1. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 239 с.
2. Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. — 156 с.
3. Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода: Монография. — Иркутск: Оттиск, 2013. — 247 с.
4. Григоричев К. Демографическая «карта» и демографические перспективы Иркутска. Публичная лекция 11 февраля 2012 г., Университет «Байкалия».
5. Григоричев К. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа / Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков. — Иркутск: Оттиск, 2012. — С. 422 – 446.
6. Григоричев К. В. «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков / науч.ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010.

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

- С. 156 – 176.
7. Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. — Хабаровск: Дальневосточное отделение РАН, Государственный музей Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, 2006. — 192 с.
8. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. — М.: Новое издательство, 2011. — 460 с.
9. Жилкин О. На ветрах стоим // Проза.ру — Национальный сервер современной прозы. URL: <http://www.proza.ru/2007/07/26-63>
10. Каганский В. Постсоветский человек: вид из ландшафта // Русский журнал, 2005, № 2. URL: http://www.russ.ru/culture/20050523_kag.html
11. Карачурина Л. Урбанизация «по отчету» и «по факту» // Демоскоп Weekly. 20 августа – 2 сентября 2012. № 519 – 520. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/tema06.php#_FNR_53 (доступ 14.04.14)
12. Лаппо Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского ОГИ, Москва, 2001. — с. 124 – 154. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/gorod/2.4.pdf>
13. Найт Ричард В. Устойчивое развитие — устойчивые города // Международный журнал социальных наук. 1993 (2). С. 43 – 69. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=104>
14. Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки, 2012, № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>
15. Нефедова Т. Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/gorod/4.2.pdf>
16. Статистический бюллетень «Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2012 году». — Иркутск: Иркутскстат, 2012. — 80 с. : табл.
17. Шмидт С. Город окраин, или улитка, ползущая между склонов // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. — Иркутск: Иркутский госуниверситет, 2002. — С. 64 – 68.
18. Florida R. The Great Reset: how new ways of living and working drive post-crash prosperity. — N. Y.: Harper, 2011. — 240 p.
19. Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. — N. Y.: Doubleday, 1991. — 548 p.
20. Reid L., Smith N. John Wayne meets Donald Trump: The Lower East Side as Wild Wild West / Kearns G., Philo C. eds. Selling Places: The City as Cultural Capital, Past and Present. — Oxford: Pergamon, 1993. — 193 – 209 p.
21. Soja E. Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination // Human Geography today / Massey D., Allen J. и Sarre P. — Cambridge: Polity, 1999. — P. 260 – 278.